

Казачій Союз

BULLETIN DE L'UNION DES COSAQUES
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНІЯ КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА

EDITION DU COMITE CENTRAL D'UNION DES COSAQUES (arr. du Ministre de l'Int. J. O. No 276 — 1949).

№ 4. PARIS, JANVIER-FEVRIER 1951

№ 4. ПАРИЖ, ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1951.

КАЛЕДИН

— «Мнѣ не нужно устраивать овацій. Я не герой, и мой приход — не праздник. Не счастливым побѣдителем я въѣзжаю в ваш город. Была пролита кровь и радоваться нечему. Мнѣ тяжело. Я исполняю свой гражданскій долг, оваціи мнѣ не нужны».

(Отвѣтъ на привѣтствія жителей г. Ростова — 2 декабря 1917 г.).

**

— «На Дону мы сами себя хозяева, и посторонніе не в правѣ лѣзть к нам со своими порядками. Мы должны сказать всѣм, идущим к нам с совѣтами: «оставьте нам самим устраивать свою жизнь по своему».

(15 января 1918).

**

— «Я вам говорю и предупреждаю: «не ошибитесь». Порядок на Дону будут дѣлать другіе, не вы. Если вы станете у власти, вы почувствуете тяжесть ея. За властью мы не стоим. Наша власть — исполненіе воли народа. Власть никогда мнѣ сладкою не казалась. Я пришел сюда с чистым именем, а уйду отсюда, может быть, с проклятіем...»

(Каледин Подтедку и его делегации — 15 января 1918 г.).

Донской Атаман, генерал-от-кавалеріи
АЛЕКСѢИ МАКСИМОВИЧ КАЛЕДИН

— «Дон удержался от развала лишь благодаря тому, что казачество успѣло организовать и выдѣлать свое Правительство»...

(Из рѣчи на съѣздѣ казацкаго населения Донской области — 19 декабря 1917 г.).

**

— «Корнилов и я сошлись на том, что не может быть и рѣчи о возвратѣ к старому режиму»... Я безусловно объявляю, что Корнилов, хотя и видѣл от царей только хорошее, является убѣжденным сторонником республиканскаго демократическаго образа правленія».

(Доклад п. Войск. Кругъ — сентябрь 1917 г.).

**

— «Дальше, как видите, борьба невозможна. Только лишніи жертвы и напрасно пролитая кровь. Прихода большевиков в Новочеркасск можно ожидать с часу на час. Мое имя, как говорят «одіозно»... Я рѣшил сложить свои полномочія, что предлагаю сдѣлать и Правительству. Предлагаю высказаться, но прошу, как можно короче. РАЗГОВОРОВ БЫЛО И ТАК ДОСТАТОЧНО. ПРОГОВОРИЛИ РОССИЮ».

(Последнія слова Каледина на засѣданіи Войск. Правительства 29 января 1918 г.).

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 11 ФЕВРАЛЯ ПОСЛѢ ЛИТУРГІИ В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРѢ НА РЮ ДАРЮ
БУДЕТ. ОТСЛУЖЕНА ПАНИХИДА ПО ДОНСКОМ АТАМАНѢ

Алексѣй Максимовичъ Калединъ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 11 ФЕВРАЛЯ, В 17 ЧАСОВ, В ПОМѢЩЕНІИ САФЕ «LE CADET» (17, RUE CADET — ПРОТИВ ВЫХОДА ИЗ МЕТРО «CADET») СОСТОИТСЯ ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ ДОНСКОГО АТАМАНА КАЛЕДИНА И ЕГО СОРАТНИКОВ. ВХОД СВОБОДНЫЙ ДЛЯ ВСѢХ КАЗАКОВ И ДРУЗЕЙ КАЗАЧЕСТВА.

Донской Атаман Алексѣй Максимович Каледин

Ни под ударами большевиков, ни в тяжких неагодах эмиграции не угас дух казачества. В формѣ ли нѣкоего тайнаго духовнаго ордена на Роднѣ, в формѣ ли союзомъ, общества и центров в эмиграции, казаки тянутся друг к другу, чтобы сохранить тот духовный и моральный облик, который в течение вѣков спасал их мысль и душу. И каждый год все Казачество, куда бы его ни забрасывала судьба, вспоминает своих великих вождей. Одним из таких является Донской Атаман Алексѣй Максимович Каледин. Его имя из года в год повторяется всеми казаками. Воюя, гдѣ сражаются, устраиваются собрания, вспоминают Атамана Каледина. Пусть Казачество не было такой демократіей, как в Европѣ и Америкѣ, пусть оно не имѣло своих парламентов, ответственных правительств, но власть у Казачества была всѣм миром избираемая и перед этим миром ответственная. Но осуществленіе этих принципов было прекращено императоромъ Петромъ Великимъ. Так перестали существовать характерныя особенности казачьяго общественнаго строя. А. М. Каледин был первым настоящим, выборным Донским Атаманом послѣ почти 150-лѣтняго перерыва. Он был по революціи первенцем — Атаманом на Дону...

Вся Россія в 1917 году задыхалась в чаду и пожарѣхъ революціи. Всѣ моральныя основы великаго государства рушились одна за другой. В это трудное время Донское казачество стремилось в себѣ самом, в своем прошлом найти моральное приубѣжище своей жизни. Оно их нашло в своих общественных принципах: выборномъ началѣ власти, возстановленіи стараго Донского института — Донского Войскового Круга. Эти начала стали основой жизни Донского казачества среди всеобщаго безначалія. И перед первым послѣ долгаго перерыва Донским Войсковымъ Кругом стала трудная задача: кого избрать в Донскіе Атаманы. Высокій моральный авторитет избранника, большая интеллектуальная сила, безупречная честность, жизненный опыт — вот что требовалось от будущаго Донского Атамана, человека, который вѣрно и непоколебимо стал бы на стражѣ прав и интересов не только Донского Казачества, но и достоинства, чести и государственных интересов Россіи. Таким кандидатом и избранником Дона оказался казакъ Усть-Хоперской станицы, сын бѣднаго офицера, генерал-от-кавалеріи Алексѣй Максимович Каледин. Велика была радость Д. В. Круга, всего Дона и всего Казачества от такого избранника. Это был как бы даръ Небесъ. Генерал Каледин — б. командующій 8-й арміей, герой Луцкаго прорыва, офицер генеральнаго штаба, георгиевскій кавалеръ двух степеней, человекъ безупречной честности, большого ума, и глубоко любящій Дон. Как б. начальник Новочеркасскаго военного училища, А. М. был учителем и воспитателем не одного выпуска донскаго офицерства. Выше он был высокаго роста, чуть сутулый, почти всегда хмурый с неизмѣнно вдумчиво-грустными глазами, молчаливый, но когда нужно говорилъ своимъ спокойным, размышленным, разсудительным, обхватывающим вопрос со всѣх сторон словом. Оно было внушительно и убѣдительно. А. М. Каледин не был типом холоднаго, высокомернаго генерала, привыкшаго приказывать. Он умѣлъ воздать кому что надлежало, быть доступнымъ нуждающимся в нем и внимательнымъ. Своей карьерой он был обязан только себѣ лично, своему характеру, своимъ большимъ духовным и моральным качествам. В началѣ 1-й Мировой войны он — начальник 12-й кавал. дивизіи, позже командир корпуса и затѣм командующій 8-й арміей. Донским Атаманом он избран Донским Войсковымъ Кругом 18 июня 1917 года... Вести донскую политику в этот бурный год было не легко. Любовь и искреннее уваженіе к своему Атаману у Войскового Круга и Донского казачества были, но за ними мало было сил.

Назидательныя обращенія и резолюціи Круга и Войскового Правительства были далеко не дѣйствительны. Однако, само имя Атамана страшило не только российских большевиков и руководимых ими рабочих и крестьян. Они с помощью пробольшевских казачков готовы были бы снести «пѣздо контр-революціи и враговъ трудового народа» — Новочеркасск, но моральныя сила Д. В. Круга, Атамана и страх перед партизанами Чернецова сдерживали их. На Московском Государственном Совѣщаніи Атаман Каледин огласил декларацию Всероссийскаго Казачества о мѣрах, необходимых для водворенія порядка в государствѣ. Произошел октябрьскій переворот 1917 г. Большевики объявили себя всероссийскою властью. Донскому Атаману и его Правительству предстояло опредѣлить свое к нему отношеніе. Признать власть большевиков? Но обезпечит ли такое признание мир и спокойствіе на Дону? А. М. Каледину была совершенно ясна моральная и общественная природа совѣтско-большевическаго власті. Но если у Донского Атамана и его Правительства не было силы, то у них была честь. И Атаман Каледин и его Правительство отвергли власть большевиков (Леніна) и Дон объявили независимой от их власти государственной единицей...

В цѣляхъ политически организовать все донское населеніе Атаман и Правительство создали в Новочеркасскѣ Съѣздъ представителей всего так наз. «иногородняго» на Дону населенія (неказачьяго). Среди делегатов было немало большевианствующих и большевиков. А. М. Каледин выступил перед этим Съѣздом. Многие из делегатов впервые лицом к лицу встрѣтились с Донским Атаманом, о ком так злостно и лживо расписывали и говорили большевики. Может быть, впервые представители неказачьяго населенія из уст Алексѣя Максимовича услышали правдивое слово об истинном положеніи на Дону и во всей Россіи. Истинный моральный и общественно-политическій облик Атамана Каледина захватил представителей неказачьяго населенія на Дону и все ярче и привлекательнѣе выростал в их сознаніи. Атаман стал их главой. Произошла рѣзкая перемѣна в настроеніи делегатов Съѣзда. Возникло соглашеніе между казаками и неказаками. Создалось коалиціонное Донское Правительство. Большевикам оставалось лишь объявить делегатов Съѣзда измѣнниками трудового народа... Тѣм временемъ военныя силы большевиков все ближе подходили к Новочеркаску. Выступленіе казаков-большевиков во главѣ с Подтелковымъ становилось все наглѣе. Приближался конец января 1918 года. Добровольческая Армія была бессильна сдерживать красныя силы на Дону. Она уходила на Кубань. Донской «Луда» Подтелковъ предательски убил Чернецова, одно имя котораго наводило страх на врагов. Огромная масса казаков-фронтовиков заняла доброжелательный к большевикам нейтралитет. Большевики-казаки с Подтелковымъ шли в авангардѣ большевическихъ сил. Другой предатель Дона, войск. старш. Голубов со своими казаками рыскалъ по степи в поисках М. П. Богаевского. «Отцы» и «дѣды» в ту пору были не слободны к борьбѣ. Избранник Донского Казачества А. М. Каледин оставлен казаками и предоставлен самому себѣ. Нерѣдко можно было его видѣть, провожающаго прах его юнаго соратника-партизана в его послѣднюю обитель.

В защиту своего Атамана и свободы Дона не поднялась ни одна донская войсковая единица. Войско Донское в цѣломъ капитулировало перед большевиками. Никаких иллюзій Алексѣй Максимович не питал... В каждом уголкѣ Россіи творилось то же, что на Дону. Милліоны людей жили только иллюзіями и заблужденіями. Своими лозунгами и обещаніями большевики ослѣпили и оглушили российское населеніе. Их, большевиков, джи

и обману, как и нынѣ, не было мѣры и предѣлов...

Атаман измѣрился и устал смертельно. Он часу испил до дна. Один в полѣ не воюя. Родное Казачество своему призванію благо готово было принести в жертву жизнь своего Атамана. А нужна ли была ему эта жизнь? А, может быть, его жизнь, как послѣдняя и драгоцѣннѣйшая жертва, пробудитъ честь и душу Донского Казачества и подвигнет его на достойныя подвиги? Может быть... И 29 января 1918 года в своем атаманском дворцѣ в маленьком своем кабинетѣ незабвенный, благородный Донской Атаман Алексѣй Максимович Каледин выстрѣлом из кольта в сердце принес Дону в жертву свою жизнь...

...А провокаторы и предатели продолжали свое канновое дѣло...

Выстрѣл Атамана не остался безплоден. Он пробудил Дон. Честь и достоинство Донского Казачества были спасены, а имя Атамана Каледина останется живымъ, пока останется на свѣтѣ хоть один казак... Б. Н. Уланов.

КАЗАЧЬИМЪ ОРГАНИЗАЦІЯМЪ, ВХОДЯЩИМЪ ВЪ КАЗАЧЬИ СОЮЗЪ, ОТДѢЛАМЪ, ГРУППАМЪ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМЪ КАЗАЧЬЯГО СОЮЗА.

Казачій Союзъ вступаетъ в четвертый год своей дѣятельности. Полномочія, избраннаго на один год, Центрального Правленія Казачьяго Союза кончаются.

В мартѣ мѣсяцѣ, в Парижѣ на Общемъ Собраніи Казачьяго Союза надлежитъ:

1. — Выслушать и оцѣнить отчетъ Центрального Правленія о его дѣятельности за истекшій год.
2. — Выслушать отчетъ ревизіонной Комиссіи;
3. — Избрать на слѣдующій год новое Центральное Правленіе Казачьяго Союза;
4. — Выяснить пожеланія Казачества с мѣст;
5. — Выработать наказъ Новому Правленію.

Вслѣдствіе быстраго роста Казачьяго Союза и расширенія его дѣятельности, выходящей за грани скромныхъ, бѣженскихъ сил, а также ввиду серьезности момента, вытекающей из неустойчивости международнаго положенія, крайне желательно на предстоящемъ Общемъ Собраніи личное представительство делегатовъ отъ всѣхъ казачьихъ организацій, отдѣловъ и группъ Казачьяго Союза, не только находящихся во Франціи, но и въ ближайшихъ странах, какъ Бельгія и Англія, напримѣр.

Немедленно же на помѣстныхъ общихъ собраніяхъ выработать наказы, выставить и проголосовать кандидатуры членовъ Нового Центрального Правленія, а также обсудить возможности послышки своихъ делегатовъ, сообщивъ незамедлительно о результатахъ в Центр. Вслучаѣ абсолютной невозможности послышки делегатовъ, наказы и результаты голосованія на мѣстахъ по выборамъ Нового Правленія направлять обычнымъ путемъ — корреспонденціей.

Предсѣдатель Казачьяго Союза
Н. Туровѣровъ.
Генеральный Секретарь
Н. Мельниковъ Разведенковъ.

Уральское Казачье Войско (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

19 марта 1919 г. Войсковой Съезд, находившийся в Калмыковъ, вызывает из Гурьева генерала Толстова и, поддержанный всеми воинскими частями, предлагает ему принять пост Войскового Атамана. Генерал Толстов согласился.

До этого, находясь в Гурьеве, он проявил себя отличным организатором и обивал все наступления красных, которые они вели со стороны Астрахани. Войсковой Съезд произвел его из полковников в генералы, и слава о нем шла очень хорошая.

В это время в Мергеев явились делегаты от Советов и с поддержкой дьячка Спирина собрались в одном помещении казаков на митинг и сбивали их сдаваться. Когда один из казаков замечал, что у них есть Атаман и что с подобными предложениями он сдаться следует обратиться к последнему, то делегат отвечал: — «Что ваш Атаман? Он присутствует в Гурьеве». Как раз в это время, в помещение входит сам Атаман, сопровождаемый группой юнкеров, и приказывает схватить провокаторов. Они сейчас же были расстреляны на дворе со Спириным. Остальных присутствовавших на митинге Атаман приказал выпороть.

Это событие, заслуживающее особенного внимания, явилось поворотным пунктом в борьбе: до этого времени все буквально рассыпалось, теперь же все переродилось, показывая несколько казаки чья твердой власти. Сейчас же собравшись, казаки повели наступление, взяли Лбищенск и погнали красных к Уральску. Немедленно занялась работа. Снова были сформированы полки, но уже не расхлябанные, а с прекрасной дисциплиной. С колоссальной энергией Атаман входил в связь с другими армиями. Нужно было доставать оружие, снаряды, обмундирование и муку. Кошачик, делясь должную добычу уральцам, на одном из засидений сказал: — «Ставлю уральцев на первое место!».

Итак, произошло какое-то чудо.

Казаки подтянулись, и в короткое время вся территория Войска была очищена, кроме самого Уральского. Летом была сделана попытка взять его. Так как Уральск окружен Уралом и Чаганом, а часть, выходящая на север, была сильно укреплена красными, то решили брать его, переправившись на бударах через Чаган. Для этой цели с южной стороны везли эти будары, и все, казалось бы, было хорошо. Но кто-то опоздал, кто-то не исполнил свою задачу и наступление peterfьло полный крах. До этого времени казаки все время вели тактику неожиданных налетов и очень часто с небольшими для себя потерями уничтожали целые отряды и полки. Под Уральском это был первый случай, когда уральцы потеряли около тысячи человек. Атаман объясняет своей ошибкой — назначение одного старого офицера Чернышева командовать этой операцией.

Для освобождения осажденных в Уральске красные выслали из Саратова сильный отряд, продвигавшийся опять до Зеленого. Шипово был их ближайший тыл, где находились склады, штаб и многочисленный гарнизон.

Однажды, на заре, казаки под командой полковника Сладкова ворвались в Шипово и весь отряд красных был уничтожен, а также была захвачена громадная добыча. Переводной отряд, бывший в Зеленом, немедленно бросил попытку идти на Уральск и повернул на г. Николаевск. Казаки его преследовали, но уничтожить не удалось.

Здесь любопытно сообщить об отношении крестьян к казакам. Одна из уральских сотен получила приказание войти в громадное село Передуб, Самарской губ. Командир сотни собрал крестьян на сход, объявил, за что борются уральцы, и предложил присоединиться к казакам, обещая снабдить их оружием. Мужики отказались. Но спустя 3-4 месяца, когда уральцы были уже почти у Каспийского моря,

когда у красных был полный успех, эти крестьяне, возмущенные поведением красных, подняли восстание. На них были посланы красные карательные отряды, которые жестоко с ними расправились, и только несколькими чудом уцелели, удалось прибжать к казакам и рассказать о постигшей их участи.

Успехи уральцев серьезно обезопасили красное командование и оно перебросило с колчаковского фронта Чапаевскую дивизию, которая, можно сказать, без встречи сопротивления прошла до Уральского и стала продвигаться дальше по направлению к Гурьеву.

Казаки были обезсилены, не было провианта, а болевши косили беспощадно бойцов и население. Красные уже дошли до Сахарного, когда уральцы решили сделать последнюю попытку и совершить рейд в тыл красных, чтобы захватить базу этого отряда. Рейдом командовал полковник Сладков. Прошли с фланга 120 верст, и 5 сентября, на зорьке, атаковали Лбищенск. Был ужасный уличный бой. Враг был поголовно уничтожен, погиб и сам Чапаев. У казаков были потери человек 150. Среди них несколько офицеров и замечательный пачальник 6-й дивизии полк. Н. Н. Бородин.

Но это была последняя попытка, которая огоршила красных, и они поспешно покатились назад, сжимая из мест все селения по пути.

Наступала настоящая трагедия. Тиф косил направо и налево. В южных станциях сгрудились бжеженцы, большое количество пленных красноармейцев, с которыми не знали что делать, больные и раненые. Продовольствия никакого. Полки таили от потерь убитыми, ранеными и умершими от болбаней. Один учебный полк в это время насчитывал всего семь человек.

Красные, докапившись до Уральского, получили подкрепление и снова пошли по направлению к Гурьеву, но уже видя, что воевать, собственно, им не с кем. В станциях они находили избы, полные умирающих людей, и валяющиеся на улицах трупы.

28 декабря 1919 г. красные послали своих делегатов к Атаману с тремя письмами: 1 — от Ленина и Троцкого, 2 — от ком. Армии Фрунзе и 3 — от заместителя Чапаева. — «Командующий 1-й Красной Армией, отдавая справедливость героизму Уральской Армии, считает для себя невозможным продолжать вооруженную борьбу с противником, который путь своего отступления устилает трупами людей, погибающих от эпидемий. Поэтому Командующий Армией предлагает прекращение боевых действий на условиях...» Дальше перечислялись условия, как всегда обещалось сохранение жизни и прочее.

Ультиматум был оставлен без ответа и казаки стали быстро готовиться к отходу на Форт Александровск, который имел незамерзающую бухту и, таким образом, отсюда была возможность перекинуться на Кавказ для соединения с Добровольческой Армией.

Следует сказать несколько слов о пришлое элементе. В рядах армии оказался прекрасный офицер Генер. Штаба, генерал Моторный, который казаками был оценен и занял место Начальника Штаба. Его приняли в казаки, но только дали ему фамилию Моторнов, так как уральцы не желают у себя фамилий, оканчивающихся на «ый», «ий» «ич» и т. п. Также был принят в казаки поручик Емельянович, его переименовали в сотника Емельянова. Приняли в казаки, в числе многих, имевших заслуги перед Войском, даже одного еврея, который, присоединившись к казакам, оказался очень боевым; его фамилия была Гурфейн и он стал Гурфейновым.

На Уралъ оказалось много молодых русских офицеров, но по непонятной причине их мало было на фронтъ, так как большей частью они занимали тыловые должности. Все должности этапных комендантов, завѣдующих

складами и прочіе подобные, были заняты русскими прапорщиками, поручиками и т. д. Казаки же офицеры поголовно были на фронтъ и среди них не являлся исключением такой пример: сотник Арчишиков был ранен девять раз и немедленно же возвращался на фронт, как только подлѣчивал раны.

Теперь о походах.

Многие осуждают Атамана за то, что он не подготовил отхода. Но что мог он сделать в зимнее время, без всяких средств, испытывая недостаток в людях? Люди, как обезумевшие, беспорядочно бросились в эту зимнюю стужу, какая бышет в началъ января. Пошли остатки частей и бжеженцы. Шли разрозненными отрядами, кто как мог. Некоторые гибли целыми группами. Адаевские киргизы — Алат-Орда — были все время поддерживаемы и вооружаемы казаками, теперь же они ударили казакам в спину. Они предательски вырвали Штаб Илецкого корпуса и кинулись уничтожать оторвавшуюся группу уральцев. С большими трудностями многія группы дошли до рыбачьего промысла Прорва, на берегу Каспийского моря, но, не имея в дальнейшем возможность продолжать путь, решили идти от Прорвы на форт Александровск по льду.

Кинулись в этом направлении, но вѣтер был с моря и поломал лед. Попытались снова — опять та же картина. Когда они вернулись в Прорву, там уже их настали красные и произошла кошмарная расправа. Здѣсь погибла школа юнкеров и многія тысячи других.

Киргизы пачадали на маленькія группы, убивали и грабили, раздѣляли замерзшіе трупы. Если не могли снять сапог с замерзшаго, отрубали ноги, увозили домой, оттаивали их и снимали сапоги.

Вышло людей в поход от 10 до 15 тысяч, дошло же, по приблизительным подсчетам, около трех тысяч.

(Окончание слѣдует).

Л. Л. Масынов.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Танси Баженовой.

Это вѣрно, друг мой, что не надо
Понапрасну раны растравлять,
Но какая грустная отрада —
Вместѣ о минувшем вспоминать!
Мы пойдем друг друга с полуслова:
Мы в одном с тобой краю росли.
Наше небо было бирюзово
И привѣтливо лицо земли.
Нам о вѣчном говорили горы,
О прекрасном — цвѣт садов весной,
О свободѣ — дикіе просторы,
Пѣсни — о любви к странѣ родной.
Был как праздник бѣг тогдашних буден,
Всюду радость окружала нас.
А кругом какіе были люди! —
Их слова в нас живы и сейчас.
И хотя, гонимые судьбою,
Мы прошли через горнило бѣд —
То же солнце свѣтит нам с тобою
Изъ далеких драгоцѣнных лѣт!
Ранам не зажить, пока мы живы;
Что придет, тому не миновать. —
Будем же о милом и красивом
До могилы вмѣстѣ вспоминать!

Марія Волкова.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Центральное правление сердечно благодаритъ всѣх артистов, всѣх жертвователей, всѣх труженников и всѣх посѣтителей столь устѣнно прошедшій общеказачій вечер 13 января.

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЬ

НЕЗАМѢТНО подкралась старость.

Много пережито и выстрадано. Много видано горя и мало радостей. Пришлось увидѣть и пережить и войны, и скитанія на чужбинѣ. Нѣкоторыя событія стали со старостью забываться и забываются скорѣе позднѣйшія, чѣм тѣ, которыя произошли в дѣтствѣ, на моей родинѣ, дорогом Дону. Дѣтство мое вѣзалось мнѣ так в память, что, вспоминая его, оно кажется сравнительно не далеким, и всѣ событія, происшедшія тогда, — как если бы они произошли вчера.

Вспоминая событія дѣтства, я снова оживаю прошлыми чувствами ребенка, но видѣнное и пережитое в моей остальной жизни невольно к этим переживаниям прибавляют новые взгляды и заключенія на пережитое в дѣтствѣ.

Как примѣръ, приведу размышленіе о, казалось бы, простой, но имѣющей большой смысл, пѣснѣ, бывшей одной из популярнѣйшихъ среди нас, мальчуган-казачат, и которая производила на нас сильное впечатленіе. Шли ли мы купаться, на рыбную ловлю, или ѣхали в ночное, когда нам являлось желаніе пѣть, когда кто-либо из мальчат говорил: «Ребята, давайте пѣть!», мы, большею частью, начинали этой пѣсню:

Служили два товарища,
Как родные братья,
Тревогу проиграли
На смертный бой идти.
Картечи просвистали,
Меня да миновали.
Картечи просвистали,
Товарищ мой упал.
Упал, упал товарищ
На землю сырую,
Я подал ему руку;
Он руку не берет.
Я вырыл шашкой яму;
Он в яму не ползет.
Схватили, положили,
В носилки, мертвеца,
Носилки не простыя:
Из ружьев сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
Несли его лѣсами,
Молчали, как один.
Один из них, урядник,
Сказал: «Ребята, стой!
Становьте вы носилки,
Носилки с мертвецом.
Беритесь за работу,
Рыть яму мертвецу».
Работа закипѣла;
Могила готова.
Зарыли, закопали,
Товарища сваю.
Теперя он не встанет,
Он спит в чужом краю,
И глазками не глянет
На Родину свою...

Будем разбирать теперь детально и вдумываться в каждую строчку нашей пѣсни. «Служили два товарища, как родные братья!». Товарищ! Слово это тогда бы-

ло не опошлено, и не было словом просто шаблоннаго обращенія, вродѣ господин, барин, м-сье и т. п., не произносилось оно с подхалимским чувством, как произносят его теперь, при Совѣтах, вродѣ тов. комиссар, тов. Сталин... Теперь там, может быть, даже при допросах и пытках, кричат: «Товарищ, я этого не дѣлал!», называя товарищем палача. Совѣм другой смысл для нас в дѣтствѣ имѣло это слово товарищ.

Чувство к товарищу было святым, чувством ближняго, чувством, воспитанным в сознаніи, что «сам должен погибать, а товарища выручать», и выручать из любви к человѣку. В нашей пѣснѣ два товарища служат, как родные братья. Этим сравненіем чувство дружбы еще больше усиливается, потому брат с братом в наше время должны были жить в любви и в поддержкѣ друг друга, как члены одного семейнаго гнѣзда, а не доносить друг на друга из-за сохраненія свой шкуры, как дѣлается и воспитывается там, за желѣзным занавѣсом, теперь. Предательство у нас считалось подлостью, а не достоинством.

В пѣснѣ нашей тревогу проиграли на смертный бой идти. Бой смертный. Да, бой — это вещь ужасная, и не нужно к нему относиться с легкомысліем, нужно быть готовым к смерти и помнить, что мертвые сраму не имут. На нас, мальчуган, производило впечатленіе в этой пѣснѣ, что картечи просвистали, миновав меня, а не пощадив товарища, и что товарищ упал на землю «сырую». Видя, что упавшій товарищ не берет протянутую руку, другой роет ему шашкой яму. Значит, не было, чѣм другим рыть, а тѣло нужно предавать землѣ, а не оставлять, как добычу, воронам. Странно только, почему человѣкъ должен ползти в вырытую для него яму... Мертвый человѣкъ не может ползти, и едва ли найдешь живого человѣка, который добровольно пополз в вырытую для него могилу. Думается, что и там, гдѣ перед разстрѣлом заставляют несчастных обреченных рыть себѣ могилу, тоже едва ли бывали случаи, когда разстрѣлянный полз бы в могилу. А, впрочем, при тамошних ужасах и не исключены, может быть, такіе случаи; и разстрѣлянный, может быть, и сам лѣзет в свою могилу, лишь бы как-нибудь покончить с этим ужасом...

В пѣснѣ товарища не похоронили в этой ямѣ, а «схватили, положили в носилки, въ носилки мертвеца», и не простыя, а сложенные из ружей, на которых поперек положили мечи. Очевидно, что угрожала какая-нибудь опасность, не позволившая засыпать его, как слѣдует, а так как простых носилок не оказалось, то казачьей смекалкой нужно выходить из положенія, чтобы вынести тѣло убитаго товарища. Вѣдь в то время цѣнилась жизнь не только живого человѣка, но не бросали на произвол судьбы и мертвых...

«Несли его лѣсами, молчали, как один».

Конечно, молчали не потому, что боялись преслѣдованія, а были удручены смертью близкаго человѣка, ибо, повторяю, жизнь человѣческая тогда цѣнилась. Кромѣ того, молчали из-за уваженія к покойнику и из сознанія важности момента, навѣяннаго смертью человѣка, как у нас дѣлалось на Дону при погребеніи мертваго. Помните? Слѣдовали в процессіи молча и с непокрытой головой. Шли, хотя и не построеными по 3, по 4, а шли, как стадо, но от этого чувство благоговѣнія не пропадало.

В изгнаніи, на чужбинѣ пришлось увидѣть совершенно иное: только-что вынесут из дома покойника и еще не успѣет процессія тронуться, как всѣ уже покрывают головы и загибают, как пчелы, говоря о вещах, совершенно не касающихся покойника и его похорон.

Дальше в пѣснѣ поется. Один из них, урядник, сказал: «Ребята, стой!». А кто же другой должен был скомандовать, раз среди них был урядник... Развѣ в то время можно было помыслить, что любой из присутствующих мог бы заявить: «Будя, товарищи... Штой-то мы его все несем и несем, и зачѣм мы его несем?»... И начали бы митинговать и голосовать, что не довольно ли нести убитаго товарища дальше... Нѣтъ, по пѣснѣ, все было исполнено, как приказал им старшій по званію товарищ, и работа закипѣла. Сдѣлано было все, что можно было сдѣлать по обстановкѣ, для своего убитаго товарища. И кто был в былое время урядник? Уважаемая особа не только в полку, но и на Дону, на своей Родинѣ. Казачій урядник — это не полицейскій, или становой урядник, а личность, уважаемая всѣми станичниками и гордость семьи. Сын гордился отцом урядником, и отец — урядничеством сына. Кто из нас не вспомнит из дѣтства того обожанія, с которым мы смотрѣли и на стариков, и на молодых урядников, пришедших в дерковъ со своими неизмѣнными галунами на воротниках, атрибутами урядничества, и с какой завистью мы смотрѣли на эти галуны. Урядником мог быть человѣкъ смѣтливый и лихой, а во времена моего дѣтства, кромѣ того, еще «ученый», то-есть быть грамотным и из лучших, окончивших учебную команду. Вахмистры и урядники, можно сказать, были сливками казачества.

Пѣсня кончается: «Теперь он не встанет, он спит в чужом краю, и глазками не глянет на Родину свою». А нас, изгнанников, какая судьба ожидает?... Убитый товарищ, о котором поется в пѣснѣ, навѣрно был закопан, по нашему обычаю, глубоко в землю, и никто не потревожит его праха. А мы?..

Но будем вѣрить, что Бог не без милости, а казак не без счастья, что Бог смилостивится над нами и даст возможность еще увидѣть нашим глазам нашу Родину, наш Дон, и на ней — мѣста, гдѣ мы пѣли эту пѣсню, будучи казачатами...

Человѣческій документ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Мы продолжали находиться при Особом Отдѣлѣ, ничего не дѣлая и недоумѣвая о цѣли наших начальниковъ. Прошло около недѣли, когда нас троих вызвали, посадили в машину и повезли по направлению к фронту. Через полчаса мы уже были в небольшой деревушкѣ в трех километрах от передовой линіи. Здѣсь нас высадили и машина уѣхала назад. С нами остался лейтенант из Особого Отдѣла, который, оставив нас одних, пошел о чем-то хлопотать.

Недоумѣніям нашим не было конца. Что же хотѣли с нами сдѣлать? Вѣдь мы были до сих пор еще в своем домашнем обмундированіи!

Но уже через час наши недоумѣнія разъяснились. Лейтенант, наконец, вернулся, и мы вошли в комнату. В ней, кромѣ лейтенанта, оказался еще какой-то майор, который пригласил ласково присѣсть к столу.

«Итак, друзья мои, — начал он. — Вам довѣряется ответственное заданіе, которое должно быть выполнено во что бы то ни стало. Вы должны перейти линію фронта в районѣ села Атамановка, углубиться в тыл и постараться вступить в первую попавшуюся добровольческую часть. Там вы должны вести пропаганду всѣми средствами за переход на нашу сторону. При первом же удобном случаѣ, организовавъ группу перебѣжчиков, перейти к нам. Пароль при переходѣ назад через линію фронта — «полковник Москвин». В случаѣ неудачи возвращаться самим. В случаѣ измѣны ваши семьи, родственники будут депортированы в сѣверныя области Совѣтскаго Союза, а имущество будет конфисковано. Ясно?»

Нам оставалось только отвѣтить, что ясно. Затѣм мы подписали тексты секретной присяги и вышли из комнаты. В эту же ночь со взводом развѣдки мы должны были перейти фронт.

Фронт находился в это время в километрѣ от села Атамановка, которая была в нѣмецких руках. По приказанію лейтенанта развѣдчики должны были провести нас в тыл нѣмцев, а потом уже продолжать путь по своему заданію. Но начальник развѣдки, как видимо, не захотѣлъ возгнѣться с нами, и рѣшил сдѣлать по другому. Как только настала ночь, мы вышли из села и приблизились к нашей линіи обороны. Здѣсь начальник развѣдки подозвал нас к себѣ и в почти полной темнотѣ начал нам объяснять расположе- ніе мѣстности. «Видите, прямо перед нами два холма, — говорил он. — Это нѣмецкая оборона. За этими холмами село Атамановка. Вы пойдете вправо и, пройдя километра полтора, сверните потом влѣво. В это время вы уже будете находиться в тылу у нѣмцев и легко войдете в село. А потом объявитесь эвакуирующимися и пойдете дальше». С камнем на сердцѣ, по колѣно в снѣгу, мы побрели в указанном направленіи. Идти было очень тяжело, но мы, ступая слѣд в слѣд, потихоньку продвигались вперед. Минут

через десять ходьбы перед нами что-то зачернилось: не то вѣтряк, не то сарай. Мы остановились от неожиданности, но, дѣлать нечего, начали осторожно продвигаться к чернившему предмету. Вдруг перед нами затрещала пулеметная очередь и пули зачмокали по снѣгу вокруг нас. Мы мгновенно попадали в снѣг и пролежали без движенія около пяти минут. Как только выстрѣлы прекратились, мы начали потихоньку отползать назад. Через полчаса мы уже перешли свою линію обороны и подходили к селу. Так окончилась наша первая попытка перейти фронт.

На другой день, под вечер нас повели на другой участок фронта. На этом участкѣ фронт проходил по пологому склону холма, спускаясь другим своим флангом на дно широкой балки. За балкой начинался крутой подъем, по которому нам нужно было теперь подняться и зайти в тыл нѣмецкой обороны. В балку мы пришли еще засвѣтло, перед вечером, а с наступленіем темноты должны были выступить. По объясненіям, сопровождавшаго нас лейтенанта и послѣ нашего поверхностнаго осмотра мѣстности в бинокль, слѣдовало, что нѣмцев здѣсь не было. Мы расположились поудобнѣе в окопах и стали дожидать наступленія темноты. Наконец, солнце скрылось за горой, и ночь начала вступать в свои права. Стояла, ничѣм не нарушаемая тишина; поскрипывавшій под чьими-то сапогами снѣг, только подчеркивал ее.

Вдруг вдали, на нѣмецкой сторонѣ, раздался орудійный выстрѣл, разрывая морозный воздух, проскрежетал снаряд и плюхнулся сзади нас. Как будто подтверждая его правоту, просвистѣли одна за другой три мины, а перед окопами зачмокали пули. Загоралась перестрѣлка, в самом центрѣ которой мы очутились. Трасирующія пули начали летать отсюда, откуда мы их днем никак не ожидали. Впереди оказалась цѣлая нѣмецкая оборона.

Журавлевъ, сидѣвшій в другом окопѣ, подполз ко мнѣ: «Что же это в самом дѣлѣ? Как будто с цѣлью направляют в самые непроходимые участки!»

Может быть, это была вина русской развѣдки или, дѣйствительно, нѣмцев там не было, а потом, позже, они заняли оборону, но нам так это надоѣло, что, посоветовавшись мы снова рѣшили уйти.

В штабѣ батальона, куда мы пришли рано утром доложить о случившемся, нас основательно выругали и приказали идти к чорту: «Пускай вас ваши архангелы переводят!» Послѣ такого приѣма ничего не оставалось дѣлать, как идти назад к «архангелам».

В этот же день, послѣ обѣда неудачные шпионы, отмахавши 7 километров, были уже в Ивановѣ. Там нас встрѣтили тоже удивленными глазами; — они думали, что мы должны уже скоро с первой партіей перебѣжчиков возвращаться назад. Полковник Москвин, узнавши о всѣх наших пережитіях, пришел в ярость: «Как?! Не

исполнять моих приказаній! Разстрѣляю! Военный трибунал!!!»

Мы сидѣли ни живые, ни мертвые перед гнѣвом армейскаго бога, тѣм болѣе, не зная, к кому относятся эти угрозы. Наконец, он смѣнил гнѣв на милость и отпустил нас впредь до особаго распоряженія.

С того дня прошла уже недѣля, когда нас снова вызвали в штаб. На этот раз полковника мы больше не видѣли. Снова на машинѣ пріѣхали на фронт. Сопровождал нас старшій сержантъ, который получил приказаніе, во что бы то ни стало, перевести нас через фронт. Но теперь за недѣлю обстановка на фронтѣ была уже другая. Положив сотни убитых и раненых, русскіе, наконец, заняли половицу села Атамановки. Теперь передовая проходила по дворам и огородам, что облегчало нам переход. Противники сидѣли за домами и стѣнами, и перестрѣлка не прекращалась ни на минуту. Мы вошли во двор, в заднем концѣ котораго стоял полуразвалившійся дом. За развалинами, то там, то сям маскировались красноармейцы, время от времени пострѣливавшіе за переулок. Я осторожно выглянул в том направленіи и увидѣлъ обыкновенный забор, густые кусты черешень за ним и, чуть видный, расплывавшійся в темнотѣ, дом. Наш проводник объяснил, что как раз за тѣм домом начинается нѣмецкая оборона. Перед нами встала трудная задача: — переползти незамѣченными по кустам, несомнѣнно наблюдаемым и обстрѣливаемым нѣмцами, и, не напорвшись на них, выйти в тыл. Раздумывать долго было нечего, и мы поползли. Ползли, как раненые звѣри, извиваясь в снѣгу и часто останавливаясь передохнуть и прислушаться. Через забор пролѣзли благополучно, но в черешнях стало трудно. Каждая палочка трещала в морозном воздухѣ, как выстрѣл, а каждый нечаянно зацѣпленный куст, печально махал верхушкой, как будто не сочувствуя нам. Не успѣли мы проползти и десяти метров, как под Ивановом, бывшим сзади, так хрустнуло, что мнѣ показалося, как будто небо обрушилось на нас. С этим проклятым треском нас начали ожесточенно обстрѣливать с обѣих сторон.

Но русскіе, как видимо, предупрежденные нашим проводником, скоро прекратили стрѣльбу. Нѣмцы, выпустив еще нѣсколько очередей, удивленные стрѣльбой с русской стороны, тоже остановились. Мы лежали, уткнувъ головы в снѣг, не смѣя ни шевельнуться, ни вздохнуть. Продвигаться таким образом дальше было опасно. Мысли вихрем неслись в головѣ: что дѣлать? Не долго думая, я крикнул по-нѣмецки — «Nicht schliessen. Wir sind Kosaken!» Крикнул и вспомнил, как кричали «не стрѣляйте — свои», когда переходили на сторону русских. Теперь стали вездѣ «своими». Но мѣшкать было некогда; с нѣмецкой стороны донеслось — «Hände hoch! Hier kommen!»

(Продолженіе слѣдует.)

П. Гаврилов.

Советская литература о казаках

Среди книг, изданных в СССР и имющих отношение к казачеству, на первом месте стоит, безусловно, «Тихий Дон» М. Шолохова, поистине имевший большой успех в выдержавший многочисленными изданиями с большим тиражом. Не меньшим успехом пользуется «Поднятая планка», рисующая жизнь донского казачества после окончания гражданской войны в период коллективизации, оба этих произведения были переложены на музыку (оперы тех же названий).

После войны дал сюжет еще одному роману М. Шолохова — «Они сражались за Родину» и двум произведениям А. Калинин — «Ночной» (Изд. «Пролетария» 1945 г.) и «Товарищи» (Изд. «Молодая Гвардия» — 1947). Калинин — донской казак по происхождению, принадлежит уже к молодому поколению (родился в 1916 г.), но тем не менее чувствует, что он остался казаком и беззаветно любит свой родной край. Темой его первого произведения являются военные действия в тех областях. Его герои — старый казак Чакин, служащий простым бойцом, под начальством своего сына, Дмитрия, эскадронного командира, Ромиков — начальник донской казачьей дивизии, прежде всего — казаки. Отношения между отцом и сыном очерчены с глубоким юмором — по части службы отец безпрерывно слушается сына, но в то же время сохраняет свой отцовский авторитет «внучка служебных дел». Дмитрий же, хотя и является продуктом нового советского воспитания, но тем не менее глубоко любит и почитает своего отца и родной Дон. Заканчивается книга по-гоголевски:

«Разбился пороховой дым. Ветер сдернул с земли смрадный покров и обнажил степь. Разблудился запах земли и смерти.

«А из хуторов понесся аромат вышивных следов, согртых теплым дыханием ветра, полного предчувствия весны.

«Вышел из балки казаки поднялись на степной курган.

«Лошадь Чакана и Дмитрия стали рядом. На голове Чакана бѣлѣла повязка.

«— Чуешь, батя. Доном пахнет? — извоинственно спросил Дмитрий.

«— Чую, сынок, чую, — ответил Чакан, приставляя на стремях.

Эта книга вышла во французском переводе: «Cosaque Tchakane» (Изд. «Oriflamme» — Collection d'auteurs etrangers).

Герои второго произведения Калинин «Товарищи» — два друга, служащие в полку, донской казак Андрей Рубцов и шахтер Петр из Таганрога, вместе продолжают отступление из Приазовья до Сталинграда, который защищают потом от немцев. Спокойный, выдержанный Андрей глубоко любит Дон, свою станицу, свою семью.

Обе книги написаны живо и ярко, характеры участвующих лиц очерчены выпукло.

Сюжетом многих повестей и романов является гражданская война. Далеко не все они одинакового качества и не все правдивы. «Железный поток» А. С. Попова (больше известного под псевдонимом Серафимовича, теперешним названием станицы Усть-Медвѣдичьей) еще дореволюционного писателя (родился в 1863 г. в станице Нижне-Курмоярской) — описывает отход частей Таманской Красной Армии от Новороссииска по побережью до Туапсе, а потом до Армавира, и считается в СССР одним из выдающихся произведений. «Над Кубанью» и «Кочубей» («Библиотека избр. произведений сов. литературы») — А. Перенкин перенес нас на Кубань и Св. Кавказ периода 1917-1920 гг. По роману «Кочубей» была поставлена пьеса того же названия.

Слабѣ произведения Хаджи-Мурат Мутуева — «Астраханские дни» и «Степной ветер» (Изд. «Сов. писатель» 1949 г.). Во второй по-

вести главным героем является терский казак Скиба.

Гражданской войны на Уралѣ посвящена книга Д. Фурманова — «Чапаев» («Библиотека избр. писателей сов. литературы» 1947 г.).

Богатое прошлое казачества дало многочисленные сюжеты для исторических романов. Естественно, что Пугачев, Булавын, Разин не могли быть оставлены без внимания советскими писателями. В Государственном Издательстве Художественной Литературы в 1944 г. выходит «Емельян Пугачев» — В. Шишкова, в «Библиотеке избр. произведений сов. литературы» в 1948 г. «Разин Степан» — А. Чапыгина, в 1946 г. — «Дикое Поле» Д. Петров-Бирюка, посвященное булавинскому движению, в 1950 г. — «Азов» Гр. Митрофаненко, охватывающий период каз. истории на Дону с 1620 по 1637 г. Основой их являются подлинные исторические события и подробности и характеры отдельных лиц описаны авторами согласно их фантазии. Часто факты освещены соответственно советской правительственной идеологии. В большинстве из них, казаки выставлены своего рода борцами за своеобразную «рабоче-крестьянскую власть», боровшихся против бояр, иногда царя, и московских, а позже петербургских властей.

Приднѣпровскому казачеству, его борьбу с Польшей, под руководством Богдана Хмельницкого посвящен роман Натана Рыбака — «Переяславская Рада» («Государ. Изд. художественной литературы» 1950 г.), за который автору была присуждена сталинская премия 2-й степени. Здесь проведена та же тенденция, что и в предыдущих произведениях — противопоставление казаков — притеснителям, но таковыми являются уже не московские власти, а поляки.

Часто о казаках пишется в других исторических романах советских писателей, хотя не относящихся непосредственно к казачеству. Так в исторической трилогии «Севастопольская страда» («Изд. избр. произведений сов. литературы» — 1948 г.) С. Н. Сергѣева-Ценского, еще дореволюционного писателя (род. в 1875 г.), посвященной оборонѣ Севастополя в Крымскую войну, и за которую автор получил сталинскую премию 1-й степени, несколько глав посвящено кубанскому казачеству (Черноморскому и линейцам), и в частности, пластунам, которые, как известно, немало отличились в этой кампании.

Но не только одна беллетристика пользуется «казачьими» темами. В популярном историческом издании в серии «Жизнь замечательных людей» имются «Пугачев» — А. Гайсиновича, «Богдан Хмельницкий» — Осипова. В последнем труде много сведений об истории приднѣпровского казачества и повидимому им пользовался Н. Рыбак для своей «Переяславской Рады». Укажем еще на «Булавинское восстание» — Н. С. Чаева.

Больше серьезными трудами являются издания Академии Наук СССР.

В 1949 г. вышла хорошо изданная книга, на хорошей бумаге, в переплетѣ, с иллюстрациями и картами под названием «Воинские повести древней Руси». Половина ее посвящена истории донского казачества. Из шести литературных произведений XVII в. в ней приводимых, три относятся к борьбе донских казаков с Азовом («Историческая повесть о взятии Азова», «Поэтическая повесть об осадном сидении 1642 г.», «Сказочная повесть об азовском взятии и осадном сидении»). Подробные исторические и географические комментарии, краткий очерк истории донского казачества, литературные и исторические критика описываемых событий, фотографий раскопок 1936 г., произведенных в Азовѣ, иллюстраций казачьих типов из Рительмана и казачьих лодок на Волге из Сибирской летописи Ремизова дѣлают эту книгу чрезвычайно интересной для

каждого, кто интересуется историей Дона. Все дополнительные труды выполнены А. Н. Ровбинским и, нужно сказать, выполнены очень добросовестно.

Другим, не менее интересным историческим трудом Института Исторической Академии Наук СССР является книга А. А. Новосельского: «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.», также хорошо изданная, Борьба с татарами в XVI-XVII вѣках и позже происходила при самом деятельном участии донского и запорожского казачества, поэтому, по всей книге разбросано много сведений об исторических событиях, как на Дону, так и на Днѣпрѣ. Особенно интересны данные об участии казаков в борьбе возставшего, в первой четверти XVII в. против турецкого владычества, Крым, и об морских походах казаков к Константинополю в 1625 г.

О покорении Сибири и о сибирских «казаках-землепроходцах» пишет Д. М. Лебевец в своей книге «География в России XVII в.» («Изд. Института Географии Академии Наук» — 1949 г.), а в сборникѣ «За Родную Землю» (Воен. Изд. Министерства Вооруженных Сил Союза СССР — 1949 г.) имется статья проф. Токарева «Поход Ермака в Сибирь».

От беллетристики и исторических трудов перейдем к народному творчеству — казачьей пѣснѣ. В 1949 г. вышел первый том «Пѣсен донских казаков» — А. М. Листопада («Государственное Муз. Изд.») в хорошем переплетѣ, с нотами и многочисленными статьями. Весь труд Листопада должен выйти в пяти томах и содержать всего 1200 казачьих пѣсен.

Листопад — известный еще до революции собиратель пѣсен казачьих областей. Его сборники выходили и до революции (в 1911 и 1912 гг.), и после нее. Но последний труд его интересен не только своей полнотой, но и разнообразием. В него входят былинны пѣсни (о богатырях киевского периода: Ильѣ Муромцѣ, Добрыньѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, о новгородском Сашке и т. д.), историческая, охватывающая громадный период с середины XVI вѣка до XX столѣтия (об Ермакѣ, Разинѣ, Петрѣ I, Суворовѣ, о Кавказѣ, о всех войнах, в которых участвовали казаки, о многочисленных казачьих героях и т. д.), пѣсни казаков-некрасовцев, пѣсни былинного и внутреннего быта (походные, боевые, семейные, любовные и т. д.).

Народный эпос, собранный в Донской Области, представляет интерес не только для донского историка или любителя старинных пѣсен, но и с общерусской точки зрения — вѣдь былинны киевской эпохи сохранились преимущественно на сѣверѣ России или на Дону. Московская Русь их почти не знала, а в Киевщине они были забыты.

Наконец, в 1950 г. вышла книга В. Котельникова — «Дон, Кубань, Терек» (Изд. «Молодая Гвардия» — Библиотека путешествий). Она хорошо издана — на хорошей бумаге, в переплетѣ, с иллюстрациями и картами. Много картинок в красках. Но это не роман и не исторический труд. Сюжет ее не сложен — «расцвѣт» казачьих областей под советской властью. По ней, до революции, все хозяйство и промышленность казачьих районов имѣли примитивный характер и были на самой низкой ступени развития, при заселении капиталистов, атаманов, офицеров и зажиточных казаков. Под мудрым руководством отца народов, они превратились в мощные индустриальные и хозяйственные области. Естественно, что автор умалчивает об восстаниях, разстрѣлах и о высылках цѣлыми станицами. Дальнейшие комментарии излишни, ибо назначение этой книги вполне ясно — пропаганда в пользу советского режима. Но все же, как-то странно видеть в ней фотографию braveго казака, в формѣ императорской Армии, в погонах с царскими вензелями, с двумя георгиевскими крестами, и с подписью: «Председатель Военно-Революционного Комитета на Дону Федор Подтелков». Б. Богаевский.

НЕМНОГО ОБО ВСЕМ...

3

“Немного обо всем” мы давали в сборнике “Вестник Казачьего Союза”, дали кратко и в послѣднем № “Общеказачьяго Журнала”, предлагаем вниманію нашего милого читателя и теперь, на страницах нашей газеты. Претендовать на какую-либо глубокую историчность, научныя изысканія, мы, конечно, никак не собираемся. Казачья исторія — увя! — все еще остается в проектѣ, для его осуществленія нѣтъ необходимых данных здѣсь, за рубежом; едва ли они существуют теперь и там, на Родинѣ.

Нам престо хочется напомнить о казачьей старинѣ в ся исторических и бытовых черточках тѣм, кто этого не знает, прося извиненія у тѣх, кому это уже знакомо.

ЗИМОВЕЙСКАЯ СТАНИЦА

На вопрос Пугачев показал: “что он подлинно Донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Иванов, сын Пугачев, что дѣд и отец его были той же станицы казаки, первая жена его, дочь Донского казака Дмитрія Никифорова, — Софья, — с которой прижил он трех дѣтей, а именно: одного сына и двух дочерей”... Вторично, при живой жемѣ, Пугачев женился на дочери Яницкаго казака Петра Кузнецова — Устиньѣ.

6 февраля 1774 года в станицѣ Зимовейской, в присутствіи присланнаго из крѣпости св. Дмитрія (будущій Ростов на Дону) штаб-офицера майора Рукина и Войска Донского старшины Туровцова, был сожжен дом Пугачева и несл разметан по вѣтру.

Станица Зимовейская переименована в Потемкинскую, а фамилія Пугачевых — в Сычевых.

СТАНИЦА ГУГНИНСКАЯ

Зимовейская станица была переименована, как бы в наказаніе, другая же старая Донская станица, Гугнинская, была переименована в Баклановскую, как бы в поощреніе — в память своего знаменитаго станичника, генерала Бакланова.

Но, как передают уже здѣсь нам любители казачьей старины, до послѣдняго времени в этой станицѣ сохранялся своеобразный свадебный обряд: упоминая бабушку Гугню, жениха с невестой связывали (его — через правое плечо, ее — под лѣвую подмышку) одной шалью.

Бабушка Гугня! Не связала ли ты своим именем, как одной шалью, Донских и Уральских казаков?

Кстати, — покорная просьба ко всѣм, кто еще помнит хоть что-нибудь из родной казачьей старины, сообщайте; как драгоценна каждая мелочь, говорить не приходится!

ПРОЗВАНІЯ СТАНИЦ

Всѣ станицы, конечно, безпорочны, но... нѣтъ такой, за которой не было бы что-то такое запримѣчено, главным образом, ея соебдами, что и оставалось за ней на вѣчныя времена.

Это “что-то такое” очень часто не может быть оглашено в печати: остра, но и солона казачья наблюдательность. Однако, и здѣсь — покорная просьба подѣлиться своим “шефством”, — если не все, то многое может быть напечатано.

РѢКА ИЛОВЛЯ

В до-татарскій період русской исторіи, по рѣкамъ Дону, Дону, Иловля и волоком в рѣку Камышинку, пролегал водно-волоконный путь из Дѣвирьской и Сѣверной Руси к казарам. В серединѣ 17 вѣка донскими казаками в районѣ р. Иловля был построен Павшин городок, а Степаном Разиным — еще другой городок, Рыгин, уничтоженные послѣ подавленія Разинскаго возстанія.

Замѣчательно, что хутор того же названія — Рыгин — существовал до послѣдняго времени около самой Каменской станицы.

Иловля дала свое названіе старому донскому казачьему роду Иловяйских.

Протекает ова теперь по, так называемой, Сталинградской области, так же, как и Волга с рукавом Ахтубою и притоками Сарептой, Камышинкой и Ерусаланом. Дон и его притоки: Цимла, Чир, Курмойровскій и Бесауловскій Аксай, Царица, Медвѣдица (с Арчадой) и Хопер (с Бузулуком).

В этот же округ вошли часть Донского войска (Усть-Медвѣдицкій и Хоперскій округа) и Астраханское войско.

БѢЛАЯ КОСТЬ И ЧЕРНАЯ КОСТЬ

Это выраженіе — монгольскаго происхожденія. У людей этой расы выраженіе “бѣлая кость” означало благородство происхожденія, а самое слово “бѣлый” имѣло смысл “независимый, не платящій дани, свободный”, в противоположность “черному”, т. е. даннику, несвободному.

КАЗАЧЬЯ ЗАГАДКА

“Не пух, а мягко сидитея”?

(Казачья сѣдельная подушка, в которую прятались, если и не мягкія, то дѣнные вещи).

Не менѣе загадочно казачье названіе “винцерада” — непромакаемаго плаща с рукавами; оно произошло от фамиліи извѣстнаго генерала Винцегерода, командовавшаго отдѣльными казачьими частями в кампаніях 1812 и 1813-14 гг. и носившаго такой плащ.

БРІЕНН

Всѣм извѣстно о пребываніи Наполеона в военной школѣ Бріенна, с апрѣля 1779 по сентябрь 1784 г.г.; извѣстно также о сраженіи его под Бріенном, гдѣ он мальчиком мечтал о подвигах, с союзным корпусом Блюхера, в который входили и русскія войска, с казачьими полками, 17 января 1814 г. Но почти неизвѣстно, что, быть может, самой большой личной опасности за всю свою ратную жизнь Наполеон подвергался именно в этом сраженіи. Предоставим слово ему самому. (“Наполеон на островѣ св. Елены”, СПб. 1838 г. Часть I, стр. 61):

“... Под Бріенном мы были на волос от казаков. Уже ночью я возвращался в свою главную квартиру, как вдруг туча казаков напала на нас с тыла. Я принужден был отбиваться со шпагой в руках, и многих казаков убили подлѣ меня. Странное дѣло! Это случилось под тѣм самым деревом, под тѣнью котораго и на двѣнадцатом году своей жизни (кадетом Бріеннской школы) часто читывал “Освобожденный Иерусалим”.

ТМУТАРАКАНЬ — ТАМАНЬ

Всѣ XI вѣк Тмутараканскій родѣ Святославичей, и только зависѣла от Кіева. В началѣ XI вѣка тараканью овладѣли половцы.

В 1770 г., во время войны русскія войска заняли Тамань, весь полуостров. В 1783 г. Тамань, вмѣстѣ с Крымом и правым берегом Кубани, была присоединена к Россіи, при чем р. Кубань стала пограничною рѣкою.

Ца Тамани к этому времени обитали подчиненные крымскому хану погайскіе татары. Там же жили бѣжавшіе с Дона от преслѣдованія раскольники и некрасовцы. (Некрасов — сподвижник Булавина, — бѣжал сюда вмѣстѣ со своими казаками в 1708 году).

В Тамани в старых турецких домах был размѣщен батальон егерей, а на кубанской границѣ была создана кордонная линія укрѣпленій, гдѣ размѣщены регулярныя войска. Но войск было очень мало, а потому в 1792 году сюда было переселено Черноморское войско (“черноморцы”).

“Черноморцами” назывались казаки уничтоженной в 1775 г. Запорожской Сѣчи, которым было разрѣшено Потемкиным в 1783 году возстановить старое войско под именем “войска вѣрных казаков”, для охраны границ вновь созданной Новороссійской губерніи. Это войско звалось черноморским, потому что ему для поселенія была отведена земля по берегу Чернаго моря, между Бугом и Дѣвстром.

Черноморцы отнеслись к вѣсти о переселеніи их на Кубань, как к новому испытанію, потому что на новом мѣстѣ они успѣли обзавестись хозяйством, которое надо было теперь бросать.

Первым дѣлом, они послали войскаго есаула Гулика для осмотра Таманскаго полуострова и Кубанскаго края, а войскаго судью Головатого в столицу, для испрошенія у имп. Екатерины II прав на вѣчно-потомственное владѣніе той землей, на которую должно было переселиться Черноморское войско.

К просьбѣ черноморцев о закрѣпленіи за войском навѣки земли на Кубани императрица Екатерина II отнеслась сочувственно.

Войску была подарена земля между Черным и Азовским морями, до рѣки Еи и Усть-Лабинскаго редута.

Привилегіями войска были: право чинить самому внутренній суд и расправу, заниматься торговлей и промыслами и др. На поселѣ войска была пожалована хлѣб-соль на золотом блюдѣ с золотой солонкой, большое бѣлое знамя, серебряныя трубы и новая печать.

Черноморцев звали “вѣрными казаками”, в отличіе от запорожцев, бѣжавших послѣ уничтоженія Сѣчи за-границу.

Часть казаков черноморцев (3.847 чел.) отправилась морем, и прибыла на Тамань 25 августа 1792 года; остальные двинулись сухим путем, под предводительством кошевого атамана Чепѣги, и достигли р. Еи в концѣ октября. В 1793 г. произошло переселеніе семей.

Дарованная черноморцам земля была заселена сорока куреями (38 курей тѣх же названій, что были в Запорожском войскѣ,

вух: Екатерининский — в честь императрицы Екатерины II и Березанский — в честь взятия крепости Березани). Делегаты

под руководством атамана выбрали мандатную комиссию, а распределение их местностей, орденов и резиденция была учреждена ими обществу в Константинополе в Карасуевском куте, друг к другу пригороды и морскими путями, управлялось на основании "Порядка управления казаками", положений, изданного в Константинополе.

Вся земля была разбита на пять округов (Екатеринодарский, Фанагорийский, Вейсунский, Ескский и Григорьевский), управлявшихся управлением из полковника, писаря, есаула и хорунжого, назначавшихся войсковым правительством. Курени управлялись выборными атаманами. Смена всех их происходила ежегодно 29 января.

Крестом тогда черноморцам приходилось вести непрерывную войну с горцами.

Горцы тайком, в темные ночи, проникали на казачью сторону, воровали скот, убивали, уводили и уводили в палы в горы жителей, а когда не могли увести захваченных, то подрывали им ножные жили и бросали на произвол судьбы в кубанских плавнях.

Все жившие на границе черноморцы были вооружены и почевали обычно в кордонах. Для ночной охраны жилищ были созданы особые отряды. В предупреждение нападений и для помощи дружественным горцам, черноморцам приходилось иногда переходить границу и громить хищников, чаще всего абазинцев и шапсугов, на их землях.

После смерти Чепелги атаманом черноморцев был выбран войсковой судья Головатый, бывший в то время в персидском походе, по известию о почетном избрании уже не застал Чепелы в живых (он умер 29 января 1797 г.). Его преемником, в качестве атамана, стал уже не по выбору войска, а по царской воле, войсковой писарь Котляревский, находившийся в то время в Москве, во главе войсковой депутации на коронации имп. Павла I.

Назначение его атаманом было сочтено нарушением казачьей вольности и вызвало беспорядки, которые были жестоко подавлены. Зачинщики были строго наказаны, но несколько десяткам казаков удалось бежать и уйти к землякам за Дунай.

Котляревский атаманствовал до конца 1799 года, когда по болезни и старости вышел в отставку.

Имп. Павел I предоставил Котляревскому самому выбрать себе преемника, и когда тот выбрал подполк. Бурсака, утвердил его атаманом. Выбор оказался очень удачным, и Бурсак за 16 лет атаманства принес много пользы родному краю.

КАВКАЗ

Кубанский Кавказ представляет собой Кавказский хребет от горной группы Оштен

(на вершине которой, Фангъ (9.360 ф.) лежит вечный снег) до истоков р. Кубани (150 в.). Из вершин Кубанского Кавказа замечательны Шуге (10.642 ф.) и Пемыш (12.427 ф.). Перевалы Кубанского Кавказа трудны, есть уже ледники.

Терский Кавказ представляет собой хребет от Адай-хоха до г. Барбало (120 в.), отличающийся высотой своих побочных хребтов и рвкостью очертаний котловин. Тут проходят Военно-грузинская и Военно-осетинская дороги и находится знаменитое Дарьяльское ущелье.

Дагестанский Кавказ представляет собой хребет от Барбало до г. Сари-даг (140 в.) с чрезвычайно сложно развитым северным склоном и с высокими и длинными, обильными снегами и ледниками, отрогами, образующими горную страну Дагестан.

Самурский Кавказ представляет собой хребет от Сади-дага до г. Баба-дага (120 в.), на котором лежат последние к востоку вечные снега и ледники. Из гор наивысшая Шах-даг (13.951 ф.), наиболее известный перевал — Салаватский, по которому проходит Военно-Ахтинская дорога.

Каспийский Кавказ представляет собой наиболее восточную часть Кавказского хребта от Баба-дага до г. Ильхи-дага (160 в.). Ветвины здесь не больше 9.000 ф. и совершенно лишены снежного покрова.

КАБАРДА

Большая и Малая Кабарда находятся в западной части Терской области, при чем Большая Кабарда, отделяющаяся от Малой Кабарды Терском, была в состав Нальчикского отдела, а Малая — Сунженского отдела.

Она населена кабардинцами, народом черкесского племени, в незапамятные времена переселившимся туда с восточных берегов Черного моря, под предводительством Кабарды Тамбиева. Кабардинцы славятся умением держать себя в обществе, изяществом манер, искусством одеваться (их костюм, вооружение и посадку на коня заимствовали у них не только остальные горцы Кавказа, но и казаки).

Кабардинцы стали подданными России еще при Иване Грозном, но затем подпали под влияние Крыма. Во время персидского похода Петра I (1722) кабардинцы, несмотря на угрозы крымского хана, были на стороне русских. При Аппе Иоанновиче (1739) Кабарда была объявлена свободной и должна была служить буфером между Россией и Турцией. Присоединение Кабарды к России произошло по Кучук-Кайнарджийскому миру (1774).

Кабардинцы — мусульмане, но, судя по преданиям и памятникам, прежде были они христианами.

ОСЕТИЯ

Осетия находится по обе стороны Главного Кавказского хребта (западная часть Влади-

кавказского округа, Терской обл. и части Душетыского и Горьского уездов Тифлисской губернии).

В древности осетины жили не только на Кавказе, но также и на низовьях Кубани и Дона. Последний даже носит осетинское имя (дон, по-осетински, рька, вода). Грузинские, армянские и византийские источники говорят об осетинцах, как о сильном, могущественном племени. Их могущество было подорвано черкесами, русскими и половцами и окончательно уничтожено татарским погромом Чингисхана. Кабардинцы загнали осетин в горы, и только при русской власти положение осетин стало лучше.

Азбука осетин составляла в начале 40-х годов XIX в., академиком Шегрефом, взявшим за основу русскую азбуку с некоторыми изменениями. Большая часть осетин — православные, меньшинство — магометане.

Осетины — один из индо-европейских народов, потомки древних аланов. Сами себя осетины зовут прами и иронами, грузины называют их осси, а страну их — Оссети, откуда и русское имя Осетия; древние русские летописи звали осетин ясами.

H. H. T.

Собственность настоящего номера такая же, как и предыдущего — 30 фр.

Расплату за полученные экземпляры газеты и взносы в фонд «Казачьего Союза» направлять по адресу казначей:

N. Evseeff, 116, rue Vaillant-Couturier, Nanterre (Seine).

Корреспонденцию литературный материал — по адресу председатели:

N. Touveroff, 52, av. Normandie-Niemen, Blanc-Mesnil (S. et O.).

КНИЖИ. МАГАЗИН Е. СИЯЛЬСКОЙ
LIBRAIRIE Mme E. de SIALSKY
2, RUE PIERRE LE GRAND, PARIS 8^e
(около кафедрального храма на rue Daru).
Продажа книг: литература, беллетристика,
по сельскому хозяйству и другим отраслям.
Газета «Казачий Союз». — Иконы.
Русские грамофонные пластинки.

ПОРТНОИ
Ф. И. АГБЕВ
8, RUE TIRHAINE, PARIS 15e.
Tel: SUF 32.74.

ДОНСКОВ
ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ПАРИКМАХЕР
МУЖСКОЙ И ДАМСКОЙ
87-ter, BD. DE LA REPUBLIQUE,
BILLANCOURT (SEINE).
Métro: Marcel-Sembat.

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
Н. Н. Туровъров, Б. Н. Уланов, Н. Н. Евсева,
и Н. С. Мельников-Разведенков (тех. редактор)

Directeur: Alexandre Touveroff

Impr. de Navarre, 11, rue des Conditiers, Paris.

Extrait Orechitique KALEFLUID

Экстракт из железистых желез животных слаботь нервной депрессии, переутомления, астении, ослабления памяти, бессонницы и в Женщинам, кроме указанных случаев,

рекомендуется принимать в случаях: общей артритических и старческих немощностей, в некоторых случаях повышенного давления, при немощностях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для способа употребления по-русски пишите:
Laboratoire K. KALEFLUID, 66, Bd. Exemans, Paris (16^e). V. P. 21.331.